

УДК 7.07(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

Художественная интеллигенция
как субъект общественного договора
в период культурной революции в СССР
(1930-е гг.)

Галина В. Тартыгашева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности общественного договора между художественной интеллигенцией и советской политической элитой во времена культурной революции в СССР. В данный период общественный договор носит патерналистский характер, но строится не только на насилии, но и на согласии, на общей идее реализации социальной и культурной революции, на предпочтениях разного рода, которые могли получить творцы от новой власти. С конца 20-х гг. управление сферой культуры и искусства начинает носить централизованный характер, государство становится главным субъектом культурной политики, осуществляется жесткий идеологический контроль за культурным процессом, преследование эстетического инакомыслия, и в то же время осуществляется поощрение лояльных деятелей культуры путем государственных заказов, высокого социального статуса, высокой зарплаты, предоставления прав на публикации, персональных выставок и заграничных командировок, наград и премий, решения бытовых и семейных проблем и т. д. Принцип «социалистического реализма» провозглашается доминирующим творческим методом. Советское партийное и государственное руководство получает исключительные возможности влиять на формирование и изменение общественного сознания советских людей посредством культурного производства.

Ключевые слова: общественный договор, контрактарианизм, художественная интеллигенция, творческие союзы, социалистический реализм

Для цитирования: Тартыгашева Г.В. Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 24–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

© Тартыгашева Г.В., 2024

The artistic intelligentsia
as a subject of the social contract
during the cultural revolution in the USSR (1930s)

Galina V. Tartygasheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
tarty@yandex.ru*

Abstract. The article considers features of the social contract between the artistic intelligentsia and the Soviet political elite during the cultural revolution in the USSR. In that period the social contract was still paternalistic in nature, but being based not only on violence, but also on consent, on the general idea of implementing the social and cultural revolution and on benefits of various kinds that the creators could get from the new government. Since the late 20s, the management by the sphere of culture and art began to be centralized and the state became the main subject of cultural policy. Strict ideological control over the cultural process was carried out as well as the persecution of aesthetic dissent.

At the same time, loyal cultural figures are rewarded through government orders and by being given high social status, high salaries, granting rights to publications, personal exhibitions and business trips abroad, awards and prizes, solutions for household and family concerns, etc. The principle of “socialist realism” was declared as the dominant creative principle. The Soviet party and state leadership enjoyed exceptional opportunities to influence the formation and change of the public consciousness of the Soviet people through cultural production.

Keywords: social contract, contractarianism, artistic intelligentsia, artistic unions, socialist realism

For citation: Tartygasheva, G.V. (2024), “The artistic intelligentsia as a subject of the social contract during the cultural revolution in the USSR (1930s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 24–34, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-24-34

Введение

В период культурной революции (1930-е гг.) большевикам удалось удержать власть и успешно реализовать многие, казавшиеся на тот момент фантастическими проекты «большого скачка», связанные с ускоренной модернизацией, индустриализацией и радикальными культурными преобразованиями в отдельно взятой стране. Под культурной революцией подразумевались коренные

изменения в духовной жизни общества, посредством ликвидации неграмотности, создания социалистической системы народного образования и просвещения, развития науки, литературы, искусства, перестройки быта и приобщения широких народных масс к достижениям культуры. Культурная революция предусматривала и создание кадров социалистической интеллигенции, а также утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы.

Ставя амбициозные задачи, связанные с культурной революцией и созданием новой личности социалистического общества, партийно-государственное руководство прекрасно осознавало роль культурного производства и художественной интеллигенции в управлении обществом и то, что образы, ценности и идеология нового государства, выраженные в художественной форме, легче усваиваются обыденным, по большей части, аграрным сознанием, чем выраженные языком официальных изданий.

Управленческая модель, сформированная к началу 30-х гг., в основе которой лежало значительное ограничение автономии общества в духовно-культурной сфере, дала возможность централизованно контролировать и управлять культурными процессами в стране, превращая общество, несмотря на его социокультурное многообразие, в единый объект политико-культурного влияния. Так, например, И.В. Сталин написал в письме от 15 августа 1934 г. Л.М. Кагановичу:

Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно¹.

О теории общественного договора

Актуальность идеи общественного договора связана с поиском «социального клея», фундамента общественно-государственных отношений, а концепции общественного договора представляют собой различные модели социального согласия между государством и народом. Необходимо отметить, что общественный договор – это теория, в которой согласие управляемых является основанием легитимности политического режима и власть преобладающих. Что же

¹ Цит. по: *Цыганов Д.* Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 7.

может быть основой общественного порядка и социальной сплоченности?

В современной трактовке общественного договора Ж.Т. Тощенко выделяет следующие основные характеристики общественного договора:

...взаимоприемлемая общность идей развития, существование механизма взаимодействия между народом и государством; как и каким образом согласуются основные устремления, ценностные ориентации и интересы людей (народа) с политикой государственной власти, на чем базируется их согласие; обеспечивается ли баланс сил и баланс интересов, существует ли обратная связь, которая свидетельствует, насколько власть не только слушает, но и слышит народ [Тощенко 2023, с. 98].

Классические теории общественного договора Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо демонстрируют определенную преемственность античных идей контрактивизма и различаются между собой в степени либерализма, основаниях согласия и предпочитаемых формах государственного управления. И если Т. Гоббс – сторонник абсолютной власти государства в лице суверена, а цель общественного договора у него – безопасность:

Гоббс обосновывает идею полного повиновения подданных верховной власти условиями договора и «естественной рациональности» подданных. Быть лояльным государству, которое ты сам создал, это рационально [Тартыгашева 2023, с. 95],

то Ж.-Ж. Руссо кажется более радикальным демократом, ратует за свободу, вменяет обществу обязательства по охране прав личности и имущества и считает, что у граждан есть право расторгнуть договор в одностороннем порядке, если государство злоупотребляет властью:

В результате заключения общественного договора народ становится сувереном, единственным правомерным носителем верховной власти в государстве. Народный суверенитет реализуется путем осуществления общей воли, которая отражает то общее, что есть в различных индивидуальных интересах, и ориентируется на общее благо [Кученкова 2023, с. 83].

Современные концепты общественного договора представлены в работах Дж. Бьюкенена, Р. Нозика, Дж. Ролза, Ю. Хабермаса

и т. д. и связаны с поисками оснований для создания универсальной теории справедливости, с моделированием ситуаций рационального выбора и анализом возможностей достижения консенсуса при учете различных культурных идентичностей. В актуальных контрактарианских теориях индивидуалистичный, рациональный индивид по-прежнему рассматривается как основной субъект политического процесса, действующий в сообществе свободных и равных разумных личностей на основе универсальных моральных принципов. И подобные основания политической культуры, как свобода, равенство и рациональность, уже имплицитно присущи западным демократическим обществам. Однако, как отмечает ряд исследователей, в самой идее общественного договора изначально заложены авторитарные черты, нарушается «принцип равной свободы», а тот же Ж.-Ж. Руссо пессимистичен в отношении перспектив демократии, поскольку философ, указывая свободу в качестве цели, готов ею пожертвовать ради равенства.

И современный общественный договор, в том числе в западных, декларирующих себя демократическими, обществах, это скорее пакт, награждающий управляющих почти неограниченными полномочиями в обмен на безопасность и изобилие (см. [Кампфнер 2012]).

Исторически в России общественный договор между властью и народом по-прежнему носит патерналистский характер и скорее соответствует «гоббсово́й модели» существования социального контракта между государством и населением, основанного на идеях достижения безопасности и поддержания социального порядка путем фактически абсолютной власти государства. Главные задачи революционных преобразований начала XX в. виделись российской интеллигенции в ограничении монархии, в модернизации Российской империи, и большевикам эти вековые чаяния русской художественной интеллигенции в короткие сроки удалось реализовать без плюрализма и либеральных свобод.

Можно утверждать, что Октябрьская революция 1917 г. была реакцией на попытки заключения нового общественного договора в России на основаниях западной политической культуры. В стремлении удержать власть большевики, по сути, воспроизвели патерналистский общественный договор, несмотря на коренную перестройку социальной структуры и общественных институтов, смену идеологии и т. д. Им удалось перезаключить общественный договор с народом фактически на прежних основаниях, используя строго патерналистскую модель взаимодействия государства и населения (см.: [Явлинский 2006]).

Таким образом, исторические и современные примеры реализации общественного договора скорее демонстрируют декларатив-

ность и несбыточность либертарианской версии общественного договора, заключенного на основаниях свободы и ответственности за себя, за свое благосостояние каждого гражданина государства. Это своего рода идеальный конструкт, воспеваемый художественной интеллигенцией, но невозможный к реализации в реальности.

Творцы и власть.

Основания для общественного договора

Принцип партийности, сформулированный В.И. Лениным по отношению к культурному производству, а также недоверие к непоследовательности, склонности к компромиссам и материальной заинтересованности интеллигенции определяли ожидания Советского государства по отношению к деятельности художественной интеллигенции.

Исследователь М.Л. Гаспаров писал об особенности положения российской интеллигенции, смысл которого заключался в извечной оппозиционности власти в силу принципиального непривлечения интеллигенции во власть, непринятия всерьез чаяний русской художественной интеллигенции на роль культурной элиты, создателей смыслов в культуре, на участие во власти, невостребованностью государством интеллектуального, культурного потенциала самой интеллигенции. «Русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву», – замечает М.Л. Гаспаров [Гаспаров 2000, с. 6]. Более того, российская интеллигенция претендовала на участие во власти, на доступ к формированию смыслов, однако монархия не делилась властью, соответственно, революцию 1917 года некоторые исследователи называют результатом перепроизводства элит, а именно контрэлит, настроенных оппозиционно к существующему режиму (см.: [Турчин 2024]).

Советской власти срочно нужна была собственная советская интеллигенция, которая могла бы создавать новую советскую культуру, внедрять коммунистические идеи и идеалы, формировать новые социальные нормы и модели поведения. И формирование советской художественной интеллигенции успешно осуществлялось, впрочем, как и формирование советской литературы и искусства.

С момента своего прихода к власти советское правительство поставило себе задачу – совершить коренной переворот в общественном сознании и мировоззрении, всей духовной жизни народных масс, согласно принципам социализма. Кроме того, уже

недостаточно простого приспособления искусства к нуждам народа, искусство должно обслуживать интересы и культурные нужды народа.

Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., многочисленные писательские, художественные, музыкальные, кинематографические организации объединялись в творческие союзы (Союз советских писателей, Союз советских художников, Союз советских композиторов и т. д.) и состояли из творцов, полностью «поддерживающих платформу советской власти».

На Первом съезде советских писателей в 1934 г. метод «социалистического реализма» был объявлен основным для всех творческих работников. Впервые государство ставит в столь жесткие рамки искусство и откровенно приспособляет искусство к политическим целям советской власти.

Четких методологических рамок доминирующего художественного метода не существовало, но во главу угла при оценке произведения ставились принципы «партийности», «классовости», «идейности», «правдивости изображения», «близости и понятности сюжета широким народным массам». От творцов ожидалось сюжеты, воспевающие революции, новый быт, новые города, нового человека и т. д. Художественная интеллигенция должна была быть «инженерами человеческих душ», идеологическими помощниками партии, неуклонно проводить политику партии в своих произведениях.

Анализ социально-профессионального состава творческих союзов показывает безусловные успехи советской власти по формированию советской лояльной интеллигенции, но классовый состав, например, писателей, в тот период в большей мере состоит из выходцев из служащих. По оценкам исследователя В.А. Антипиной, например, в середине 1934 г. в Союз советских писателей входило 2500 членов и около 1000 кандидатов в члены ССП. Партийный, социальный и профессиональный состав ССП был представлен следующим образом: в 1934 г. члены партии составляли около трети Союза. В РСФСР из числа 1535 писателей было 438 членов и кандидатов в члены партии и 103 комсомольца. Например, в Москве на август 1934 г. насчитывалось 504 члена ССП. Из них рабочих – 60 человек (11,9%), крестьян – 41 (8,1%), служащих – 260 человек (51,6%). Жанровая специализация московских писателей была распределена следующим образом: 220 (43,7%) прозаиков, 74 (14,7%) поэта, 51 (10,1%) драматург, 60 (11,9%) критиков, 22 (4,5%) переводчика, 13 (2,6%) детских писателей [Антипина 2005].

На чем базируется консенсус партийного руководства и художественной интеллигенции в тот период?

Различные творческие союзы институционально были созданы не только для тотального контроля, цензурирования художественных произведений, но и для социальной защиты прекарных творческих работников, а также для повышения их экономического, политического и социального статусов в обществе. Впервые в мире художественная интеллигенция, по факту, люди свободных профессий, заняла престижное, общественно значимое положение в социальной иерархии Советского государства, и подобный статус не сравним со статусом творческой интеллигенции за рубежом в первой половине XX в. Впервые власть делегировала возможность художественной интеллигенции принимать участие в управлении государством не только посредством формирования смыслов и культурного влияния на мысли и чувства широких народных масс, но и через непосредственное участие в виде депутатской деятельности всех уровней, участия в деятельности значимых общественных организаций и т. д. Пребывание в творческом союзе сделало возможной стабильность социального положения: иметь постоянную и гарантированную заработную плату, иметь жилье и творческие мастерские, возможность периодически публиковать свои произведения и участвовать в выставках.

Анализируя общественный договор между Советским государством и населением, А.А. Аузан, в частности, пишет:

В тоталитарном сталинском обществе был очень мощный механизм общественного договора: люди отдают практически все свои личные права, включая личную свободу, в обмен на возможность роста – личного роста и роста страны. При этом сам человек в результате может быть уничтожен или, скажем, увезен из столицы на Колыму, но таковы условия договора [Аузан 2014, с. 76].

Безусловно, состав творческих союзов был неоднородным, более того, сформировалось значительное неравенство в доходах, возможностях и власти внутри творческих сообществ. Наиболее лояльные советской власти, признанные властью представители руководящего состава творческих союзов, занимающие административные должности, и творческая элита, создающая идеологически правильные культурные продукты, получали значительно большие доходы и привилегии, нежели основная часть творческой интеллигенции. Например, в 1936 г., по статистике ССП, 2660 писателей жили на 2 тысячи рублей в месяц. Размеры должностных окладов работников Литфонда в 1935 г.:

директор получал 750 рублей, его заместитель – 500 руб., секретарь Правления – 300 руб. В этот период средняя заработная плата в крупной промышленности составляла 194 рубля в месяц, в государственных административных учреждениях – 212 руб., в управленческом аппарате народного хозяйства – 293 руб., в общественных организациях – 255 руб. [Антипина 2005].

Творческая элита и руководящие кадры творческих союзов получали разные преференции от советской власти в виде высоких гонораров, творческих поездок за рубеж, по СССР, встреч с народными массами, переиздания произведений, оплаты авторских прав, решения жилищного вопроса, государственных дач, бесплатных путевок в дома отдыха и на курорты и т. д. Они получали творческие отпуска для написания произведений, доступ к представителям высшей власти, участие в административной деятельности союза или советов депутатов и т. д. Конечно, все эти блага были связаны принципом «социалистического реализма» и тотальной цензуры, но они реально реализовывались советской художественной интеллигенцией в случае успешного соблюдения данного принципа.

Заключение

В начале 30-х гг. патерналистская идея централизованного руководства, политического регулирования всех культурных процессов, контроль за творческим процессом «в тисках такой цензуры, которой никогда на Руси не бывало», все-таки одержали победу над плюрализмом и либеральными свободами.

Общественный договор с государством строился на идейных основаниях утилитарного подхода советской власти к искусству, использования творчества, прежде всего в пропагандистских целях. Интеллигенция должна была верой и правдой служить рабочему классу, не подвергая сомнению его гегемонию в историческом процессе. Важной идейной подоплекой общественного договора с художественной интеллигенцией стали успехи Советского государства в окультуривании широких народных масс, ликвидации неграмотности, создании институтов науки, образования и т. д.

Привилегии, высокое социальное положение, возможность участия во власти, значимые материальные стимулы, которые получили представители художественной интеллигенции за лояльность и даже за искреннюю реализацию «соцреализма» в своем творчестве, сыграли значительную роль в общественном договоре. Используя теоретическую и методологическую неопределенность понятия «соцреализм», а также неограниченную власть, советская

власть пыталась добиться единообразия и единомыслия в стане художественной интеллигенции. Немногочисленные «несогласившиеся» с методом «соцреализма» были вынуждены владеть жалкое существование, без доступа к большим заработкам и, собственно, к профессии.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РНФ № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was prepared in the framework of the Russian Science Foundation Project No. 23-18-00093.

Литература

- Аузан 2014 – *Аузан А.А.* Экономика всего. Как институты меняют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
- Антипина 2005 – *Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей 30-е – 50-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с.
- Гаспаров 2000 – *Гаспаров М.Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 5–13.
- Кампфнер 2012 – *Кампфнер Дж.* Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости. М.: Corpus, 2012. 416 с.
- Кученкова 2023 – *Кученкова А.В.* Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 79–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-79-88
- Тартыгашева 2023 – *Тартыгашева Г.В.* Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 89–99. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-89-99
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 98–121.
- Турчин 2024 – *Турчин П.В.* Конец времен / [Пер. с англ. В. Желнинова]. М.: АСТ, 2024. 432 с.
- Явлинский 2006 – *Явлинский Г.А.* Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М.: ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ, 2006. URL: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2790> (дата обращения 7 февраля 2024).

References

- Antipina, V.A. (2005), *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisatelei 30-e – 50-e gody* [The daily life of Soviet writers in the 30s–50s], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Auzan, A.A. (2014), *Ekonomika vsego. Kak instituty menyayut nashu zhizn'* [Economics of everything. How institutions change our lives], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (2000), “Intellectuals, intelligent people, intellectuality”, *Russkaya intelligentsiya. Istoriya i sud'ba* [Russian intelligentsia. History and fate], Nauka, Moscow, Russia, pp. 5–13.
- Kampfner, J. (2012), *Svoboda na prodazhu: kak my razbogateli – i lishilis' nezavisimosti*. [Freedom for sale: How we made money and lost our liberty], Corpus, Moscow, Russia.
- Kuchenkova, A.V. (2023), “Popular sovereignty and the right to revolt in the conception of the social contract by J.J. Rousseau”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 79–88.
- Tartygashева, G.V. (2023), “The idea of a social contract in the writings of Thomas Hobbes”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 89–99.
- Toshchenko, J.T. (2023), “The social contract: the evolution of ideas”, *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], no. 21, pp. 98–121.
- Turchin, P.V. (2024), [End Times], Zhelninov, V. (transl.), AST, Moscow, Russia.
- Yavlinskii, G.A. (2006), *Perspektivy Rossii. Ekonomicheskii i politicheskii vzglyad* [Prospects of Russia. An economic and political view], GALLEYA-PRINT, Moscow, Russia, available at: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2790> (Accessed 7 February 2024).

Информация об авторе

Галина В. Тартыгашева, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tarty@yandex.ru

Information about the author

Galina V. Tartygashева, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tarty@yandex.ru